



В поисках  
свободы и счастья:  
встреча человека  
с местом

альманах практики  
учеников 8-3  
гуманитарного класса  
гимназии № 1514

июнь 2015





## Практика в Пскове и Пушкинских горах

Летняя гуманитарная практика в Пушкинских горах, уже третья за последние годы, становится замечательной традицией — и, наверное, неспроста: трудно в России найти место столь же культурно «заряженное», в котором бы так замечательно переплетались сюжеты исторические, культурологические и литературные, а главное, которое было бы так насквозь человечно. Насквозь пропитано энергией человеческого «делания», как часто пишут в житиях (а Пушкин — «наш мирской святой», по выражению академика А. М. Панченко), внутренней силой (вспомним любимое пушкинское слово) «благоволения». Здесь и пушкинская ссылка, обращающаяся обретением того, на чём «основано от века самостоянье человека» — внутренней свободы, памяти рода, связи с историей (не государственной и идеологической, а человеческой, подлинной). И история

псковского княжества — история «самостоянья» города и его жителей. И возрождение заповедных мест — обретение подлинного мира культуры в катастрофический XX век, век расчеловечивания. И просто базовые смыслы существования — любовь, дружба, счастье, свобода.

В путешествии 8-3 класса 2015 года были все необходимые составляющие гуманитарной практики: экскурсии, прогулки, самостоятельные доклады учеников, творческие вечерние мероприятия, занятия по литературе, искусству, английскому языку, авторские тексты гуманитариев, «краеведение ногами», атмосфера дружбы и единения вокруг культуры. Всё это, безусловно, сложно передать в альманахе — все эти текущие моменты повседневной жизни (а их ценность и открыл Пушкин в Михайловском). В альманахе представлены фотографии, рисунки и тексты. Среди текстов — как разрозненные заметки и цитаты, так и большие тексты. Тексты «Я помню чудное мгновенье», иногда хулиганские, иногда серьёзно-лирические — продолжения пушкинских строчек, которые создавались за 20-30 минут как коллективное подведение итога дня. В этих текстах, зачастую наивных, самое главное — не отточенность литературной формы или глубина содержания, а возможность коллективной творческой радости — хочется думать, что примерно также делились своими остроумными строчками царскосельские лицеисты. Другие большие тексты имеют одинаковый заголовок «Разговор с местом» — это попытки почувствовать себя автором, вступающим в диалог с культурным и природным пространством (что, собственно, и являются основной сутью гуманитарного образования в гимназии).

Особенно радостно, сколь часто в этих текстах встречается мотив благодарности месту. Разделом «acknowledgment» хочется закончить и это вступление к альманаху. Хочется выразить искреннюю признательность педагогической команде практики — Ксении Олеговне Гусаровой и Александре Владимировне Талавер. Нельзя не оценить отдельно труд и человеческую отзывчивость, искренность и готовность отдавать себя школе, которую проявили две выпускницы гимназии 2015 года (а ныне студентки Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ), Лия Абдрахманова и Маша Бурмистрова, с радостью согласившиеся присоединиться к практике. Огромное спасибо Елизавете Владимировне Бурлаковой, обеспечившей замечательную организацию договорённостей с базой отдыха «Пушкиногорье», а также

всех логистических и гастрономических составляющих практики. Огромное спасибо Маше Канатовой за прекрасные иллюстрации к альманаху и макет диплома практики; Нине Вадимовне Жориной за помощь в подготовке альманаха по результатам поездки. Слова бесконечной благодарности Ирине Юрьевне Парчевской, подарившей нам пространство Пушкинского заповедника и поразившей всех участников практики. Наконец, слова признательности всем участникам путешествия, без которых встреча человека (то есть каждого из нас) с местом точно бы не состоялась. И надежда на то, что вынесенное из Пушкинских гор ценное (и ценностное) будет пронесено в дальнейшую жизнь, станет частью внутреннего роста, ради которого люди и собираются в школе.

А. А. Скулачёв

## Разговор с местом

*Здравствуйте, травы, цветы полевые,  
Здравствуй, густых облаков череда,  
Здравствуй, река, что несешься в разливе,  
Здравствуй, холмов невысоких гряда.*

*Время меняет черты и границы,  
Мир, убыстряясь, несется вперед.  
Вы не меняетесь в дней веренице,  
Солнце над вами все также встает.*

*Кажется, вижу я ясно картину:  
Точно как мы два столетия назад,  
Он приходил, гордо выпрямив спину,  
Долго смотрел на июньский закат.*

*Вы расскажите, к чему он стремился,  
Мысли его передайте и мне,  
Может тогда его сердцу открылся  
Замысел строчек, как будто во сне?*

*Тихо, пустынно, не слышно ответа  
Лишь одни птицы щебечут в лесу.  
Холм и река не раскроют секрета,  
Тайну поэта с собой унесут.*

**Маша Бурмистрова**



Бывают места, которые кричат о себе.  
Яркими красками, громкими звуками, шумом. Но это место не из таких.  
Бесконечно можно слушать тишину, которую разбавляют крики чаек.  
Иногда откликаются остальные птицы. Местами идеально ровная речная  
гладь и холод, исходящий от воды; плоские, тягучие, расплывающиеся по всему  
небу облака. Всё было бы слишком плоско и скучно. Если бы не постепенно  
возвышающийся рельеф, кусты, разбросанные бежево-серыми бугорками,  
разбавляющие бесконечную зелень; петляющая река. Всё это создаёт  
невероятную гармонию, атмосферу уюта, даже несмотря на холод.  
Это то место, за которым можно наблюдать бесконечно...

**Ксюша Курбанова**



*Есть вопросы, которые стоит задавать тихо. Не как в обычной жизни – с криком, делая усилие, чтобы тебя услышали.*

*Когда ты останешься наедине с собой, ты задашь вопросы самому себе, а значит, молчишь вовсе, значит, самые важные вопросы не стремишься вынести на всеобщее обозрение, если есть для тебя, конечно, что-то по-настоящему сокровенное. Что-то настолько важное, что не поддаётся выражению словами? Настоящее, нематериальное?*

*Когда ты остаёшься в одиночестве, ты даёшь этим мыслям и проблемам волю. И тогда находишь ответы, ключи к этим невыразимым мыслям.*

*Я долго думала: почему всё, что чувствуешь, нельзя вывернуть наизнанку, чтобы до песчинок разобрать с кем-то, но в конечном итоге поняла, что в этом нет никакого смысла. Да и нужно ли оно вообще, ведь ты становишься настолько уязвим, что можешь рассыпаться в пыль из-за пары чьих-то неловких слов.*

*Я люблю одиночество, но ненавижу быть одинокой. Есть колоссальная разница между этими понятиями. Одиночество всегда даёт возможность к погружению в своё собственное, внутреннее*

*«невыразимое», я принимаю решения – самые правильные в той или иной ситуации, но только когда не чувствую чьего-то давящего присутствия возле.*

*Но также я смею утверждать, что умная мысль не приходит в голову, когда ты больше всего её ищешь. Сжимай в бессилии кулаки, плачь – всё напрасно, один ли ты, много ли вокруг тебя народу. И когда после итогового «да катись оно всё к чертям...» замолкает, отказывается от отчаянных попыток предпринять хоть что-то даже твой внутренний голос, тебя сотрясает полная внутренняя тишина. Кажется, выхода действительно нет. И если есть решение – то оно упущено.*

*Пока я сидела на Савкиной горке, судорожно делала попытки написать здесь, на этой самой бумаге хоть что-то. Но потом я замерзла, а ручка просто выпала из моих рук, а поднимать её я не захотела.*

*Я не слышала журчания воды в реке, но видела лёгкую рябь. Ветер колыбал листья деревьев, всё это смешивалось с пением птиц, а вдалеке кто-то бесконечно долго смеялся. Ветер продувал сквозь мою куртку и как будто бы приносил все эти звуки внутри меня, заполняя пустоту внутри, которая образовалась во время поисков.*

*Мы были свободны друг от друга, но с нами незримо присутствовало место, пространство.*

*Мои пальцы заковенели совсем, но я написала всё, что было продиктовано, рассказано, наваяно мне местом. И не важно, как этот разговор происходит, как смысл проникает в твою пустоту. Главное – уметь слышать, чувствовать.*



**Лера Снегирёва**

- Слышишь?
- Да, тишину.
- Нет, не слышишь, прислушайся.
- Сойка, сова, славка, соловей,

овсянка, пеночка, перекличка  
чаек... Дальний лай собак, шум  
дубрав, шорох листьев, игра ветра  
в кронах. Пение птиц, повсюду эти  
звуки, отрицающие время, будто  
даже доносятся с другого берега. Реку  
не слышно, она будто застыла.

— О чём они говорят?

— О прошлом, о настоящем,  
о будущем, о маленьком городище,  
некогда стоявшем здесь, его кресты,  
изъеденные бытием, утонули в землю.  
Мы уже забыли, но место помнит.  
Для него, наверное, нет мгновения,  
они все слились в вечность. Солнце  
покрывает золотой охрой стволы,  
травы, тонущие кресты, озёра, оно  
садится, подорожник цветёт, это  
циклическое время... Настанет осень  
и ромашки, клевер, зверобой, лютик,  
земляника — все они завянут,  
когда-нибудь и лес умрёт.  
Но, кажется, он свободен, он не зависит  
от времени, внутри. Мерный шелест,  
качание, будто в такт какому-то  
дыханию стволов. Главное, победить  
себя, победить время внутри.

Но время идёт, как же хочется  
остаться в мгновении. Спасти хоть  
осколок, хоть образ от тления.

Есть ли что-либо, неподвластное  
времени? Что-то вневременное?

Мандельштам считал, что эллинизм.  
По-моему, сутью эллинизма, то есть  
того же «печного горшка»

и сознательного окружения себя утварью,  
а не вещами, является любовь.

Пока она есть, может существовать  
человек, память, искусство, поэзия,  
жизнь.



Тонкой золотой крошкой освещён  
холм, лишь пару ажурных лап солнце  
протягивает в мою сторону, пробиваясь  
через сосну.

Если верить в теорию креационизма,  
то есть попросту, в Бога, не важно  
какого, всё, что он создал, есть Он, а Бог  
— это любовь. Поэтому лес спокоен и  
свободен, поэтому и пространство вне  
времени. Во времени только человек,  
он, просто говоря, придумал себе  
время. Хотя можно его преодолеть,  
если почувствовать, что шум дубрав  
становится собственным дыханием.

Солнце уж садится, розовея дальние  
облака, красит в кадмий тонущий  
крест городища, сосну, дым над водой.  
Это и есть свобода.

Агата Гилман





21:01 — Наконец-то мы дошли до пункта назначения. Несмотря на узкую тропинку, большую ногу и рой комаров я всё-таки нашла своё идеальное уединённое, отрезанное от всего место. Оно было прямо у реки, но мне ясно виделся закат.

Если сказать честно, шла я с ужасным настроением. Нет — я не устала и даже не хочу спать. Просто в нашем мире не всё зависит от нас. Но, как только я увидела этот пейзаж, все мои мысли замерли, всё стало бессмысленным и никчемным. Поющие птицы, звук вяло движущейся реки — музыка природы окутала меня полностью. Всё, что я могла чувствовать — это спокойствие. Моя эмоциональность, плохое настроение — всё исчезло. Одиночество этого места восхищало. Оно, как и Принцесы острова, далеко и независимо. Вот солнце уже скрылось за деревьями, меня охватила грусть. «Я не смогу сидеть тут вечно», — подумала я. И пошла обратно к людям, миру, обыденности и простоте. Произошла ли встреча с местом? Определённо.

На Савкиной горке, а точнее, у её подножия, я изменилась. В ту минуту, когда я увидела тот вид, мои мысли затихли, я отделилась от всех, но осталась самой собой.

Савкина горка, Принцесы острова — места, где я разговаривала с собой. Места, где ты один, но не одинок, места, куда хочется и нужно возвращаться. Места — спасения, которым мы должны уделить время, чтобы не терять себя в суете времени и городов. А если это и произошло, то найти себя обновлённых.

**Алия Джабер**

Недаром Псков, Новгород и весь северо-запад России считаются родиной русского государства. В них есть нечто особенное, то, что не описывается ни в «Повести временных лет», ни в Ипатьевской летописи. Наверное, это связано с моими ощущениями от природы этого места. Её уникальностью и одновременно обыденностью. В одном месте я увидел одновременно и поля пшеницы под Черниговым, и красоту среднерусской равнины, и леса Ярославской области. Это место — собрание всего многообразия природы Руси. Но история тоже играет свою роль в создании образа. Она наполняет пейзаж особым смыслом. Солнце заходит, освещая равнину перед рекой. Она вся поросла травой, видно, её здесь никто не стрижёт, да и не надо.

Обычная река, обычная равнина, обычный холм, но всё вместе — необычайно интересно.

Я расположился на камне у подножия холма. Сам камень чем-то мне напомнил валун, который стоит на перепутье в русских сказках.

Именно это место подсказало мне такую метафору. Я смотрю на заросли высокой травы и вижу там свой след, который я оставил, пробираясь сквозь них.

Так же плыли драккары варягов к берегам Руси и, приплыв, тоже стояли перед выбором; что им сделать, какому из советов камня-путеводителя внимать. Какому из его советов последую я?

Филипп Голубев

У меня открываются глаза. Ничего нет, кроме меня и этого места. Абсолютно ничего. Что это за место? Не представляю, не имею понятия, не думаю об этом. Это место звучит кукушкой, пахнет сладковато и почти неуловимо. На вкус как печёная картошка. Застилающие горизонт облака, как большие суда, рассекают небосвод. Время где-то далеко-далеко. Не могу представить, сколько сейчас



времени. Это не важно. Я глажу траву, провожу по ней рукой, рассматривая маленький мирок, притаившийся в ней. Осознаю свою ничтожность, но понимаю, что могу многое. Кто я для этого мира? Что я для этого места? Ничего особенного, просто человек. Я не смогу стать для него чем-то. Здесь сражались и умирали, плакали и страдали. Но мы радуемся, обретаем душевный покой. Значит, это место приносит не только боль. Если здесь есть могилы, то пусть земля для похороненных будет пухом. Думаю, они были бы счастливы, если бы оказались здесь сейчас. Это место меняется, оно не может не меняться, но есть нечто, что не изменится никогда. Здесь есть Бог. Он во всём. Я чувствую, что всё здесь (и я) — Его творение. Он есть, и это даёт надежду. Я благодарна этому миру.

P.S. Странное, щемящее чувство. Становится холодно :)

**Настя Трушина**

Когда я побывала на Савкиной горке, моя душа поговорила с этим местом. Я открылась ему, сидела, любовалась величественными просторами, и место, в свою очередь, открылось мне.

Река, отражающая в себе чистое, голубое небо, невероятное, сказочное пение птиц. Кажется, здесь все повседневные заботы отходят на второй план, а время останавливается.



Начинается закат, последние яркие лучи солнца охватывают бескрайние леса, реку, густые серые облака, по краям розового цвета...

На первый взгляд, пространство, окружающее меня, гармонично. Но каменные старые кресты, напоминающие о том, что в этом месте погибали, нарушают сложившееся общее ощущение гармонии.

**Соня Горелова**

Трудно разговаривать с местом, когда вокруг куча народу, куча посторонних звуков и голосов, из-за которых ничего не слышно. А ещё туча комаров, и думаешь, как бы не стать их ужином. Но вот голоса затихают, и даже комары, кажется, проникнувшись важностью момента, улетают прочь (не без помощи репеллента).

Река, трава, деревья, птицы, домики вдали. Ты слышишь птиц, то по очереди, то перебивая друг друга пытающихся напеть, поведать что-то то ли друг другу, то ли тебе. Но ты не знаешь, что, можешь только догадываться. Чувствуешь, что дует ветер, но думаешь уже не о холоде и простуде, а о том, что он тоже что-то шепчет тебе. О чём? О чём пытается рассказать тебе природа?

А есть ли им дело до тебя? Ведь это не они должны рассказывать — это ты должен слушать, вслушиваться, пытаться услышать, увидеть, почувствовать, уловить. Конечно, у птиц, реки, колосьев — у всех свои дела. Но в то же время не такие, как у человека. Не в том плане, что одуванчику не нужно идти на работу — они делают своё дело на протяжении всей жизни, им не нужно спешить. У них всегда есть время. Они не против, если ты будешь тихо наблюдать, попытаешься понять их. Не откажутся поболтать с тобой: «Отчего ж? Мы никуда не спешим» — «А разве у тебя есть время?»

Но, к сожалению, мы не понимаем их язык. Можно только догадываться. Что

река говорит нам о том, что всё течёт и меняется, что жизнь — в движении, что нужно преодолевать трудности и идти к своей цели. Ветер считает, что главное — свобода. Он не знает про то, внутренняя она или внешняя, свобода это или воля. Ему это не очень принципиально. Деревья не спорят ни с рекой, ни с ветром. Их не волнует движение, естественно, они не могут идти, куда захотят, но они не расстраиваются — возможно, они свободны как раз внутренне? Они лишь добавляют, что нужно помнить о семье, о своих родных и близких. Не спешить.



Оставаться верным самому себе.

Вот и солнце уходит. Спать? Да нет, освещать уже другое место. Что же оно может нам сказать? Что нужно нести свет, дарить надежду.

Кукушка кукует, корова мычит. А они что? А кто их знает... Может, оттого, что им дан голос, они уже не ценят этого, говорят какую-то ерунду, не переставая...

Ну и пусть.

Да, иногда молчанием можно сказать больше, чем словами.

P.S. А солнце ушло. Облака теперь розово-фиолетовые. Холодно, но красиво.

Соня Тамирина



Хорошо сидеть с дорогим тебе человеком. Абсолютно неважно, где и на чем, главное, чтобы он был рядом. Ты забываешь обо всем и чувствуешь себя по-настоящему счастливым. Это непередаваемое ощущение, ты будто преображаешься, находишь в человеке что-то, чтобы себя дополнить, находишь недостающие детали. Чувствуешь себя нужным. Особенно это приятно, если вместе сочетаются и разговоры, и место, и твоё фоновое внутреннее состояние, когда ты спокоен, умиротворен. Так и сейчас сажусь с таким человеком, голова друга лежит у меня на плече, он пытается написать какое-то стихотворение, а я смотрю, прислушиваюсь, пытаюсь уловить все то, что происходит вокруг. Шелест высокой травы, всплески воды тихой речушки, полной рыбы, лёгкая рябь на её поверхности. И, безусловно закат, скромный, не блещущий множеством красок, но невероятно притягательный, он словно не картинка, словно книга, заставляющая задуматься. Когда ты им лобуешься, ты смотришь не на красоту неба, ты смотришь в себя.

**Ваня Колпаков**

Есть довольно избитая шутка: когда ты разговариваешь с Богом — это молитва, а вот если Бог разговаривает с тобой — это уже психоз. Сходным образом, мой внутренний скептик пребывает в непоколебимой уверенности, что местности и ландшафты не разговаривают. Все, на что мы можем рассчитывать, пытаясь вступить в диалог с местом, это поговорить с самим собой по его поводу.

Но задание есть задание, а я всегда — из интереса ли, из тщеславия ли — была более или менее прилежной ученицей; да и неловко было, глядя на сосредоточенные спины ребят, просто так, бездумно, любоваться закатом.

Это было похоже на игру в ассоциации, только искомое, вместо того, чтобы вырастать из небольшой точки — слова, картинки, — наваливалось со всех сторон и никак не находило выражения. Основное ощущение сводилось к тому, что полнота бытия, однажды достигнутая, будет всегда одинаковой, уничтожая время. Река, курган, закат, теплый ветер, цветущая земляника — все это уже было со мной: двенадцать лет назад на археологической практике. И эти два мгновения, между которыми пролегла целая жизнь, были одним целым.

Но попытка облечь это ощущение в слова упиралась в уже-бывшее совсем иного рода: об этом говорили и писали столько раз... Вот Филип Ларкин, вот Райнер Мария Рильке. Чужие слова проносились в моей голове, как шелуха, под которой не прощупывается зерно, без всякой связи с расстилающимися вокруг просторами, такими прекрасными — и безмолвными.

И вдруг мне было явлено маленькое чудо. В закатных лучах блеснула паутинка — одна-единственная нить, протянувшаяся от ветви дерева к траве. Она была, и ее не было: колышима ветром, она то пропадала, то снова появлялась, как символ связи — незримой связи всего со всем, проблескивающей лишь на мгновение. Но не более того: эта паутинка, конечно, не была той последней нитью, на которой все держится — она просто была, необходимая в самой своей избыточности. Она не предполагала замысловатой интерпретации, скорее, ее следовало воспринимать на досемантическом уровне — когда мир еще не превращается в знак. Воспринять ее как неожиданное, не мне адресованное, но возможно, только мною услышанное воззвание этого места, как ответ, требующий вопроса.

К. О. Гусарова



Оно говорит, просит, умоляет, приказывает: «Отойди от шума, суеты, серьёзных разговоров, обид, ссор, людского "сейчас", "в данный момент"». Чтобы всё было вечно. Всё, что видишь, слышишь, чтобы повторялось снова и снова и длилось бесконечно. Место, где тебе не нужно показывать независимость. Ты независим, но не подвластен.

Этой высокой траве, наверняка, холодной воде, деревьям. Всё это оно рассказывает тебе, как когда-то на этот холм восходил крестьянин, смотрел на воду, искал глазами жену, детей. Найдя, улыбался с такой банальной и надуманной, но всё же такой подходящей здесь мыслью: «Эх, хорошо!».

*Полина Андросова*

## *I глава. Бешенство.*

*Вы меня спросите, как же ты, придя в такое место, бесишься. Как же ты можешь хаять не свою идею? Не толерантно... Пофиг... Буду честен, во-первых, с собой, во-вторых, с вами. Тогда, наверное, получится написать и что-то дельное. Но уже пора приступать, а я всё со своим вступлением. Надо вам, конечно, сказать, что*



## *II глава. Непосредственно к теме.*

*Мы сидим на холме, как свечки на торте, мы горим, мы пылаем знаниями? Аххаха, какой бред! Мы все пишем что-то, скорее тогда, идеями...*

*Проезжают машины.*

*Они тянутся, как тоненькая струйка воды в недовключённом кране. Они тянутся, как мысль, когда не хочешь думать. Солнце заходит и оставляет за собой пустой, уходящий свет. Свет, который не светит...*

*Холм тих, и каждое слово слышно на нём. Кажется, что слышен даже ход мысли... Бред...*

*Тимофей Якимов*

*сложно было бы написать что-то стоящее и со смыслом по первой просьбе. АА придумал чудную идею, но без вдохновения её хрен напишешь... Слава богу, оно у меня есть. Плевать на клещей, комаров и долбанных мошек... продолжу... Диалог не хочу, круче будет просто описать его. Холм с церковью на нём. Холм на холме. Он похож на мороженое, интересно, какой у него вкус.... Был бы земляничный или мятный? Какой же баран будет есть мятное мороженое? Скажите мне. На полках оно всегда лежит одно... одно... одно... Холм тоже один... один... один...*

С такой высоты не видно того что делает мир не таким, каким он должен быть. Своего рода идеальный мир. Мир должен быть таким, каков он здесь. Смотришь на него как извне. Нет движения. Застывший мир, но живой. Абсолютная тишина. Не в том смысле, что звуков нет, есть. Но они неотделимы от места и пространства. Поэтому складывается ощущение, что здесь



всё абсолютно: абсолютная тишина, абсолютная чистота, абсолютная полнота и, в конце концов, абсолютная гармония. Тут всё едино. Тут начинаешь видеть неотделимость неба, земли и воды. Золотой свет. Здесь всё, всё такое, каким должно быть, ничего не мешает восприятию и созерцанию красоты. Видишь свою тень на залитых солнцем деревьях, которые находятся на огромном расстоянии от тебя, за счёт этого кажется, что в этом пространстве ты существуешь как-то совершенно особо. Если отойти подальше и посмотреть вверх, видишь небо, которое до такой степени чисто, что кажется, будто смотришь на нечто несуществующее, на то, чему нет названия, на то, чего вообще нет. Здесь чувствуешь себя громадным, способным увидеть всё.

**Аня Соловова**

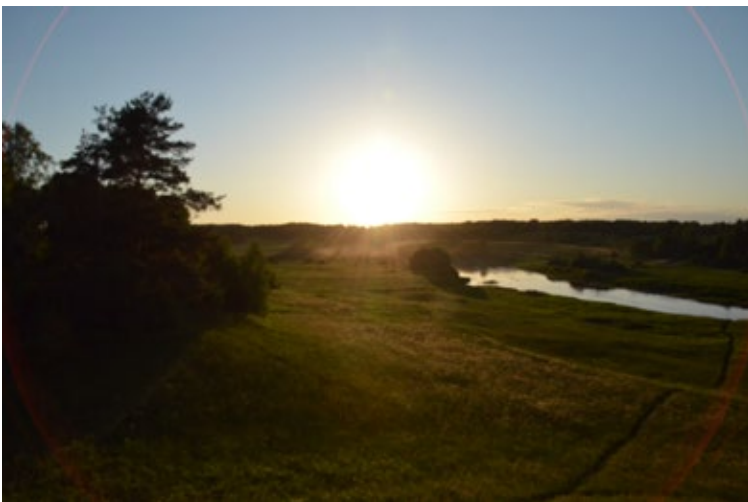
Когда место видно как на ладони, оно не оставляет не отвеченных вопросов. Когда осознаешь, что достичь горизонта невозможно и что он где-то там, где заходит солнце, возникает ощущение ясности всего происходящего, глобальности и простоты. Тогда разговор с местом становится сложен или даже бесполезен, потому что во всём слышится, видится и чувствуется его монолог, рассказ. В щебете птиц, ветре в ушах, шелесте травы, лае собак, в зелени луга и яркости заходящего солнца, ряби на воде и пролетающих насекомых, протоптанных тропах и неподвижных облаках. Кажется, не важно, кричишь ты или молчишь, бегаешь или наблюдаешь, потому что каждому оно ответит приглашением, самым ярким и определённым; кажется, что оно рассказывает не историю о прошедших событиях, оно рассказывает о сейчас. И этот монолог не закончится с заходом солнца или темнотой. Он не закончится даже с уходом отсюда, потому что оно пусть и держит и с трудом отпускает, но только открывает глаза на то, что нужно ловить каждый момент жизни, в котором и есть вечность.

**Саша Сечко**

*Каждый человек любит побыть наедине с собой: кто-то сидит дома и слушает музыку, кто-то смотрит фильм, закутавшись в одеяло с кружкой какао на коленях.*

*А кто-то ищет уединения в природе. Приходит в особое место, где ему будет тихо и спокойно.*

*Пройдя долгий путь, путник наконец-то находит это место — он встречается с ним. Как бы странно это ни звучало. Но он чувствует себя здесь, как дома. Это тот единственный момент, когда ты можешь принадлежать самому себе. В каждом кусочке природы путник видит образы. Вода — спокойствие и умиротворённость, её синева радует глаз. Время словно замирает, небо с облаками уносит тебя в даль, в страну забвения. Чайки — это единственный живой организм, он — это друг путника. Верный соратник, который кружит у него над головой. А деревья защищают его от внешнего мира. Из этих маленьких кусочков складывается пазл. Пазл — это идеальный мир для путника. Он просто сидит и смотрит вдаль, думая о том, что мир людей не потерян, пока будет жить этот маленький пазл. Он наслаждается звуками природы и громкой тишиной, смотрит на всю эту красоту и понимает, что нашёл себя. Путник рассказывает, как провёл день сидящей рядом чайке.*



*Общается с деревьями, жалуется воде. Ты знал, что вода — хороший слушатель? Она не только забирает себе весь негатив, но одновременно отдаёт тебе своё тепло, она успокаивает, ты о многом забываешь, смотря на неё.*

*Путник всё больше разговаривает с местом... С самим собой? Нет, с местом.*

*Молчание — это второе имя путника. В другом мире он постоянно молчит, там люди, они не понимают его, мутный город, который похож на чёрную тень в его жизни.*

*Путник бежит от неё всю жизнь и только в своём, идеальном мире он может остановиться. Мир, где его понимают, где он может понять себя, насладиться красотой, которая обнимает его за плечи, тишиной, которая стоит сзади и что-то шепчет. Он наконец-то находит своё «я», он может поговорить с чайкой и с самим местом... Путник осознаёт, что этот мир — его идеальный собеседник.*

*Как можно разговаривать с местом? Наверное, он говорит с самим собой.*

**Ира Чиркина**

Уединение, покой, спокойствие и, конечно, безграничное раздолье, уходящее куда-то далеко, где словно могучей, древнерусской стеной виднеются дремучие русские леса. Псковская земля необычная, соединяющая и северные леса, огромные и маленькие озёра, и в то же время тот великий простор, которым славится наша страна...

Вечер, уединение и тишина, перебиваемая разве что только криками кружащихся чаек, да стрекотанием какого-нибудь маленького насекомого. Всё неподвижно, лишь лёгкий, но между тем истинно северный ветер колышет густые травы и маленькие кустики.

Зеркальная поверхность — водная гладь лишь изредка нарушается как бы невзначай возникшей рябью. Кажется, словно эта долина, начинающаяся узенькой извилистой речушкой с крутыми обрывистыми берегами, постепенно переходящая в озеро, есть сама Русь. С её реками, озёрами, лесами, далёкими просторами и мирными деревушками, раскинувшимися у подножия низеньких холмов.

Закат... Солнце медленно, но верно приближается к пепельно-чёрному горизонту, появляется лёгкая дымка, щебетание птиц, скрип карандашного грифеля и эхом отдающиеся голоса людей из ближайшей деревни. Даже обычно серые колоски самых простых сорняков наливаются солнечным золотом.

А сколько всего перенесли эти берега, эта река, эта земля? «Здесь Русью пахнет»... Могила неизвестных людей, которых ты никогда не видел, которые жили за сотни лет до тебя, но кажется, будто это какие-то твои дальние предки, ты ощущаешь связь их с собой. Возможно, на этих мирных берегах стояли армии русских недругов, пытавшихся покорить наше отечество. Много перенесла эта земля, но всё в прошлом. Никого уже нет, лишь эти просторы, просторы, просторы...

**Никита Флегонтов**

Недалеко от Михайловского, да-да, того самого, есть холм. Савкино городище. На вершине — деревянная часовня, восстановленная в 1960-е годы, рядом кресты, воткнутые в землю. Мы поднялись встречать закат. Веселье, радость...

На западе от холма стояли полки захватчиков, на востоке — славянские полки, в крепости — также дружина. Шла битва. Вечная битва могил, холмов, спавших в земле тел, оружий... А мы радовались, потому что распределились по склону, что-то писали. Я спросил, Зачем восстановили это место, сказав, что это застывшая древность? Она не застыла. Солнце ведь ходит

по небосводу, реки текут... Птицы поют, слышен шум ветра. Но этому месту всё равно место только на фотографиях, а не в глазах и умах людей. Это просто могилы. Сражающиеся могилы. Здесь просто умирали люди. Встречались и умирали. Мы не должны были прийти сюда. С этим местом не о чем разговаривать.

P.S. Остается только смотреть закат.

P.P.S. Солнце зашло быстро. Я не сделал снимок заката, ему место на сожжённых фотографиях.

**Глеб Пинигин**

На другом берегу реки  
стоят дома. Возможно, люди  
в них — простые жители  
русской глубинки. И весь  
окружающий их пейзаж, вся  
эта обыденная для них красота  
сего удивительного места  
стала в какой-то момент  
совершенно непримечательной  
банальностью, повседневным  
«видом из окошка», как для нас  
вид на стройку или дорогу, с её  
вечным шумом и выхлопными  
газами.

Для этих людей место,  
где они живут, обыкновенное,  
«просто загородный дом», где  
всё вокруг похоже одно на другое  
и на протяжении веков ничего не меняется. Однако они даже не представляют, в каком  
неповторимом месте находятся.

Для нас всё в диковинку и, действительно, где ещё увидишь столь совершенное  
проявление неоспоримого таланта природы. Конечно же, если объездить весь земной  
шар, можно найти похожее место, но точно такого же нельзя отыскать нигде.  
Эта высокая трава, нетронутая газонокосилками и колёсами автомобилей, эти  
птицы с высокими голосами и чистейшими, кристаллическими нотами, которые  
они издают. Эта прозрачная вода, которой не видно ни конца, ни края. Белые  
цветы на длинных стебельках. Их принято называть сорняками, но без них не было  
бы законченности в картине, которая предстаёт перед глазами. Густые леса,  
закрывающие линию горизонта. Мурашки бегут по коже и не столько от холода,  
сколько от восторженности и этого прекрасного чувства, когда всего мира словно не  
существует. Есть бескрайние луга, река, ты, созерцающий всё со стороны и немного  
сверху. И нельзя сказать, что ты часть этого, ведь, казалось бы, человеком это место  
не тронут. Однако всё же есть маленькие очертания людей вдалеке, отправляющие  
тебя обратно в реальность. И вдруг ты осознаешь, что так было и сто, и двести лет  
назад. Неизменность. Люди в домиках на другой стороне реки были правы. Ничего не  
меняется. Но мне в такие вечные места хочется возвращаться снова и снова.



**Полина Кетлерс**

\* \* \*

Эти люттики в ясных полянах,  
И Муму где-то дохнет в реке,  
Но душевных порывов пьяных  
Игнорируй и ямбом реки.

\* \* \*

Есть смысл в жизни человека:  
Смотреть на сорняки заката,  
Взрывать пустоты суетного века,  
Дивится всем грозы раскатам.

Тася Юдина



Есть то, что есть. Всегда, рядом, под рукой. В сердце, в самом повседневном способе видеть и чувствовать, в том, чем невозможно — нельзя не поделиться. Само существо жизни состоит из этих твоих сплетений ветвей, из этих изгибов реки, из креста и часовни, из травы и её запаха. Это — то, что есть. Это не загораживается от нас словами, гневом, это больше: чем мы, это — путь и покой. Возвращение сюда каждый год сродни паломничеству, но возвращение здесь — слово неточное.

Тень от ручки на блокноте как знак того, что неуловимо.

Пройденный путь и усталость как недостаточная плата за этот подарок, который даришь мне каждый год — возможность здесь — быть.

Пройденное, потерянное, неблагодарно растраченное за это время — об этом забывается (умалчивается). Остаётся то, что нельзя за-быть — вынести за бытие.

Снаружи и есть внутри.

Небо становится ближе.

Слишком многое надо обсудить — мы не виделись год.

Давай поговорим.

А.А. Скулачёв

*Здесь нету шума городского,  
Лишь щебетанье нежных птиц.  
Не слышно голоса людского,  
Не вижу я знакомых лиц.*

*Здесь птицы пролетают над водою,  
И застывают в воздухе, как будто в стекле,  
До солнца ты дотянешься рукою  
И вспомнишь о родной земле.*

Арина Гурова

Разговор с местом, в котором мы побывали, на мой взгляд, не может быть однообразным.

На краю обрыва открывается завораживающий вид стройных, девственных лесов и бескрайние поля, переливавшиеся на солнце жёлто-зелёными красками. Природа так и твердит: бери в руки кисти с красками и рисуй, рисуй всё, пока не прорисуешь каждую деталь этого мира. Так и хочется взять

и побежать с холма, навстречу этому необъятному, прекрасному миру, в котором человек лишь песчинка, которую так просто уничтожить.

Спускаясь ближе к реке, осознаешь, что все звуки пропадают. Уже не слышно пения птиц, лая собак. В пространстве, манящем своей таинственностью, время становится менее заметным.

В воде не чувствуется движения, и кажется, что отражение багряного неба повисает в чистой реке. Ты будто растворяешься в этой вечности и становишься частью этого целого.

Лишь одинокий полёт чайки приводит тебя в привычное состояние и нарушает эту идиллию — сразу вспоминается пушкинский «пробудившийся орёл».

Всё состояние места и природы напоминает строки из стихотворения Мандельштама: «Лишь только раз в году бывает разлита в природе длительность, как в метрике Гомера»...

Катя Моисеева

Сквозь тишину и лучи света  
Я слышал голоса небес,  
Я чувствовал, как танцы лета  
Кружатся в потоке светлых грёз.

И шёпот трав вокруг зелёных,  
И древ высокие стволы,  
И чистота ветров гранёных  
Волной закрыли все мечты.

*Тихое, уединённое место. Мы шли до него  
долго. Через лес, через деревню, через поле.  
Каждый думал о чём-то своём. Возможно, это  
были воспоминания из детства, возможно,  
кто-то вспоминал свой дом или то время, когда  
в прошлом ходил в лес. Один или с кем-то...  
В любом случае, это были тёплые  
воспоминания, других быть не может.*

*И вот, мы там. Лёгкий ветерок дует  
в лицо. «Это кладбище. Здесь кресты», —  
прозвучало и повисло в воздухе. Настроение  
меняется в секунду. Вет прошлым, опять  
воспоминания.*

*Впереди водная гладь. Над ней низко-низко  
пролетают птицы. Их немного, но они  
не чувствуют одиночества, им и так хорошо.  
Вода медленно течёт, так тягуче и сладко,  
что невольно замечаешь каждую деталь.*

*Идиллия нарушается. Приехали люди.  
Пощумели. Кто-то косит газон. Сначала это  
раздражает, а потом становится частью  
этого мира, в котором мы находимся сейчас.*

*Бескрайнее поле, так кажется. А потом  
лесная стена. Лес похож на горы. Вы когда-  
нибудь были окружены горами? Просто горы?  
Без людей, подъёмников? Одни? Страшно  
и в то же время завораживает...*

*Белая фигура. Я смотрю на неё время  
от времени. Она ходит из одной точки в  
другую. Пишет, думает. Что она сейчас  
чувствует? О чём думает? Что для неё  
данная встреча человека и места?*

*Тишина. Абсолютная тишина.*

Чрез чистых дум земной покой  
Я вдруг услышал чувства строй,  
Тоски сердечное томленье,  
Тиши речной преодоление.

И сердце выбиться тянулось,  
Внимая с лаской той печали,  
Что чаёт каждый, глядя вслед  
Той в небо уходящей дали  
И вечности потухшей след.

Вера Глазьева



«Сколько времени нам осталось?» —  
«15 минут». Какая формальность... У тебя  
есть вся жизнь, чтобы продлить эти  
15 минут до бесконечности.

На противоположном берегу дома.  
Некоторые смотрят на нас, а некоторые  
прячутся в деревьях. В какой-то момент  
я завидую этим людям. Ты можешь  
наслаждаться этой природой и тишиной  
каждый день.

Солнце село. Утка прокрикала, Ворона  
тоже что-то сказала. День подошёл к концу.  
Спасибо!..

Полина Андриасова

*Куда уходит солнце? Оно «умирает» на закате и «возрождается» утром, на рассвете. Каждый день мы видим этот бесконечный цикл, без которого наша жизнь была бы совсем другой. Однажды я был в одном городе, вы тоже там были. Я сидел на краю обрыва и смотрел на природу.*

*Поздние восходы и ранние закаты, прямо как в моих любимых фильмах. Солнце там как будто говорит с тем, кто хочет его услышать. Проблема в том, что всем наплевать.*

*Я слушал звуки природы и пытался написать песню. И солнце говорило со мной, диктовало мне строки. Оно спросило меня, будет ли что-либо иметь значение, когда я умру. Я понимал, что нет, абсолютно нет.*



*Я чувствовал уходящее тепло солнца и черкал строки песни на оборванном клочке бумаги. Я пытался говорить с природой и она отвечала мне, потому что я хотел ее услышать. Все деревья шелестели для меня, обнажали свои листья и продолжали наш тайный разговор. Поздние восходы и ранние закаты, прямо как в моих любимых фильмах.*

**Ваня Мельников**

Привет, комар! Хоть ты и постоянно пытаешься укусить меня, я тебя уважаю, преклоняюсь перед твоей святой простотой, ведь сосать кровь — это лишь твоя биологическая функция, возложенная на тебя... Богом ли или цепью природных случайностей, называемых эволюцией... Мне тебя жалко, правда, ведь на тебя льется так много самых страшных оскорблений и проклятий, так много твоих братьев умирает на твоих фасеточных глазах, только по тому что они делают то, что они должны делать. Да, комар, в тебе нет ни капли лицемерия, когда ты, с чистой совестью, идешь делать отнюдь неприятную и омерзительную (для того, кого ты кусаешь, но не для тебя) вещь. Да, комар, не укушенный, а ты жертва, ты невинно убит...



Петя Ахметов



— Здравестуй.  
 — Здравестуй.  
 — Три года  
 прошло. А ты совсем  
 не изменилось. Всё  
 такое же необъятное  
 и принимающее  
 пастозное, а скорее,  
 воздушное. Не  
 волнистое. Всё такое же  
 с головой хочешь закрыться  
 внутрь и сделать глубокий вдох.  
 Такой, чтобы этого воздуха ещё  
 на три года хватило. И в нём  
 слышать шелест берёзы. Как сейчас.  
 — Знаешь, тишину, в которой пенне  
 до сих пор пытаешься выразить.  
 — Что же мне тогда делать?  
 — А ты запомни меня глазами или нарисуй.  
 — Нарисовать не успею, время поджимает.  
 — Тогда вспомни меня глазами или нарисуй.  
 — Просто посмотри на небо.  
 — Что там?  
 — Сама всё знаешь.  
 — Аист летит высоко в небе. А ещё солнце  
 почти село. Пора возвращаться домой.  
 Ася Абдраманова

Я сижу на  
 Савкиной горке и пытаюсь  
 говорить с местом. Я понимаю,  
 что в этом мире я абсолютно чужая,  
 возможность внятно поговорить с местом  
 нужно заслужить. Например, писать стихи,  
 как Пушкин. Или хотя бы не так яростно  
 отмахиваться от комаров — постовых  
 вертолётчиков — посланников реки. Как только я  
 шагнула в лес, стало ясно, что комары — часть  
 места и времени (равно как и безвременья, ибо  
 они были здесь всегда), ибо они летят в лицо,  
 несмотря на щедрое количество средство от  
 комаров, которое, кажется, пропитало меня  
 до мозга и потому нейроны, как и фибры души,  
 шевелятся лениво.

Не хочу сейчас ни думать, ни любить, ни  
 вспоминать, ни просто обыденно шевелить  
 статичной теперь душой и мозгом.

На какой бы край горки-острова я ни ушла,  
 везде слышны крики моих одноклассников,  
 которые, в общем, прекрасны, но пульсация их  
 голосов в мозгу мешает пульсации мысли. Меня  
 это раздражало до того момента, пока я  
 не поняла — они должны быть здесь, я должна  
 слышать их крик — природа так бережёт меня  
 от той ядерной, настоящей тишины, которую  
 ты слышишь тогда, когда нет ей противовеса —  
 звуков жизни. Я просто не могу сейчас её принять,  
 ибо ритм моего сердца куда быстрее сердечного  
 ритма природы — а мысли проскальзывают с  
 такой скоростью, что я не мокровь. всех поймать  
 на бумагу. Я живу быстро и умираю рано, ибо  
 я — человек. Природе же некуда торопиться.  
 Она — вечна, печальна и прозрачна.

И тут — комары отстали. Фил таки  
 замолк. Комариные вертолётчики  
 с отяжелевшими крыльями-пропеллерами  
 улетели к реке — мысль донесена, и мне не надо  
 вводить её внутривенно, через кровь.

Солнце мягко закатывается за горизонт,  
 приобретая золотисто-известковый цвет/  
 свет, от которого стены Изборской крепости  
 были былинно — золотыми, от которой  
 сегодня тени деревьев подводят скулы Савкиной  
 горки, а завтра утром я увижу этот луч  
 распластавшимся на моём блокноте и  
 лишённым объёма.

Понятия цвета и света слились в одно. Трава  
 запела нарастающим канонам. От солнца до  
 [двух] краёв обрыва раскинулся марсианский  
 треугольник. Почему марсианский? Потому,  
 что Брэдбери назвал пики Марса безжизненно  
 — оранжевыми. Но я знаю, что жизнь  
 вернётся, это очередной отток крови в  
 организме природы.

Бум. Солнце закатилось. Это был очередной  
 удар сердца Михайловского.

Но на той стороне реки визгливо возмущилась  
 бензопила. Я вздрагиваю. Сердечный ритм снова  
 в норме. Ядерная тишина Савкиной горки не  
 убила меня, но сделала меня сильнее.

Ася Дубровская



## Отдельные отзывы



Пушкин жив, — это одна из первых мыслей, которая приходит в голову в Михайловском, когда своими глазами видишь то, о чем он писал. Ощущается чудесное взаимодействие реальности и литературного (поэтического) мира, их взаимное преображение.

Мы сегодняшние воспринимаем это пространство через Пушкина, так как он здесь все назвал (всему дал имя), как это некогда сделал первый человек (Адам). Поэтому для нас эти луга, озера, дубравы — они его, они и есть Пушкин («Брожу над озером моим»). Михайловское (да и Тригорское), — это олицетворенная поэзия, главное место встречи с Пушкиным, а вовсе не Святогорский монастырь, где поэт похоронен. Он жив — в этом пространстве, в этом воздухе, в стихах, мы дышим им.

Пушкин, заменив державинский слог простым языком, понятным его няне, детям, стал «нашим» Пушкиным. Именно в своей ссылке Пушкин родился, перестал быть Пушкиным-племянником, а стал Пушкиным — «тем самым». Как если бы ему было необходимо это изгнание, Михайловское и Тригорское с его обитателями.

Здесь, вдалеке от света, с его притворством и односторонними



представлениями, поэт впервые смог взглянуть на вещи с разных сторон, начать создавать не литературных персонажей, а неоднозначных живых людей. Он смог черпать вдохновение из быта и природы, присвоить простым и низменным вещам поэтические и вневременные смыслы. Здесь он осознал ценность дружбы и свободы, сумел увидеть историю.

В том, как Пушкина описывали его друзья, в пространстве усадьбы, которое он выстраивал, можно увидеть его не столько как трансцендентную черепаху, на которой держится вес мир русской культуры, сколько как человека, — любящего, гениального, скромного, щедрого, удивительно великодушного и открытого миру, веселого, простодушного, ценящего и интересующегося не формой, а содержанием, не чином, а человеком. Это видно в том, как он в стихах возвращает няне любовь и ее сказки на понятном ей языке («Зимний вечер»), сжигает записки, которые могли бы угрожать безопасности его друзей, когда узнает о декабристском восстании, в том, как он влезал в окна Тригорского и, пробивая наледь, прыгал в бочку с ледяной водой, отодвигал себя на второй план, восхищаясь другом. Здесь сложилось его естественное состояние, его тайная улыбка, то самое «лица необщее выражение», способность подписаться

«Алексашкой», — ироничное отношение к себе при наличии божественного дарования. Возможно, именно здесь Пушкин обрел силу, способную обратить ссылку во внутреннюю свободу, которую никому не отнять, способная поэзией воскресить душу, позволить человеку обрести счастье в простых вещах, «самостояние» через любовь.

Здесь, на земле, которую он любил, осознаешь, что Пушкин был, есть и будет; он протоптал тропы всем будущим поэтам, преодолел время и смерть в поэзии, в языке и людях. Он везде и необходим нам.

Даже учитывая мифологичность рассказов об этих местах и условную

подлинность экспонатов, сама суть этих удивительных мест, разных времен, через которые они прошли, никак не искажается; поэтому нет, например, такого цинизма, какой иногда слышен в «Заповеднике» Довлатова.

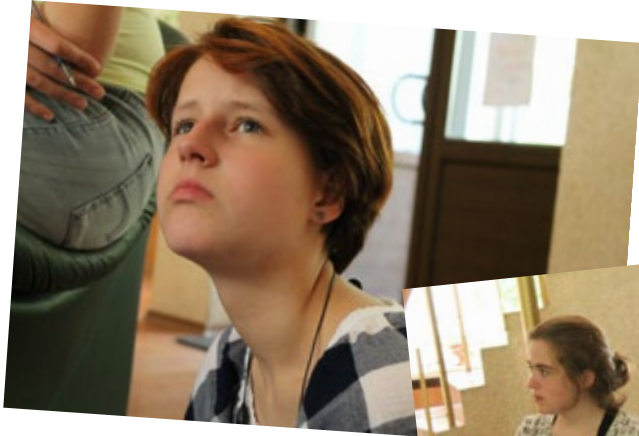
Я думаю, что истинная встреча с местом и его гением состоялась для нас в большой мере благодаря Ирине Юрьевне, чудеснейшему человеку, которого нельзя назвать экскурсоводом, потому что она живет этим пространством, этими стихами, в ней живет Пушкин, и она людей с ним

знакомит.

Я думаю, что гуманитарное путешествие как путь к подлинности удалось. Большое спасибо всем, кто сделал его для нас возможным.

**Агата Гилман**







*С какой бы целью ни писать  
и как бы между делом ни  
вспоминать, первое слово,  
приходящее на ум — спасибо.*

*Кому, чему и за что — не так важно, но чувство благодарности  
охватывает полностью, когда представляешь перед собой снова  
усадыбы, холмы, дубы, рябь на живописной воде, птичий щебет и*

*неподвижные облака.  
Ожившие строки  
стихотворений  
будто заполняют все  
существо, когда видишь  
и чувствуешь то, что  
видел и чувствовал  
великий поэт за долгие  
годы до тебя.*

*Пожалуй, странно,  
но будучи окруженной  
бескрайними  
просторами, как*

*в Михайловском и Тригорском, не чувствуешь себя ничтожной  
песчинкой. Чувствуешь себя настолько на своем месте, что свобода  
не давит, а только наполняет  
силами и вдохновением.*

*Пытаясь сформулировать свои  
ощущения, не придешь к точной  
формулировке, но остается  
фактом то, что вспоминая  
красоту Пушкиногорья,  
наполнишься душевным теплом  
и чарующим светом.*

**Саша Сечко**





На древней псковской земле есть известный всему миру уголок, освящённый именем Александра Сергеевича Пушкина. Он своей жизнью и творчеством преобразил это место, которое мы сегодня вслед С. С. Гейченко называем Пушкиногорьем. В этом году я впервые посетила этот край. Там находятся три, абсолютно непохожие по своему культурному и художественному устройству усадьбы: Тригорское, Петровское и, наконец, Михайловское. Там же — удивительной красоты монастырь, хранящий могилу поэта. Святогорская обитель издревле была почитаема не только в Псковской, но и во всей Русской земле, поэтому, попав туда я ощутила, невероятный душевный подъем, который перемежался с некой грустью, вызываемой этим местом. Мне посчастливилось приобрести несколько свечей, сделанных в монастыре и каждый раз, зажигая их здесь, в Москве, я вспоминаю ту удивительную атмосферу, царившую в Пушкинских горах, в Святогорской обители.

Первой усадьбой, в которую мне довелось попасть, было Петровское. Когда попадаешь в Петровское, понимаешь, что это дом очень необычного человека, обожающего книги и интересующегося абсолютно всем: астрономией, фортификацией, геометрией... Во время прогулки по длинной анфиладе комнат может создаться странное впечатление, будто

хозяин только что вышел и сейчас вернется. Вот книги лежат развернутые на столе, а вот открытый рояль с развернутыми нотами.



Забегая вперед, хочу сказать, что это же ощущение не покидало меня, когда я была в Михайловском и в Тригорском.

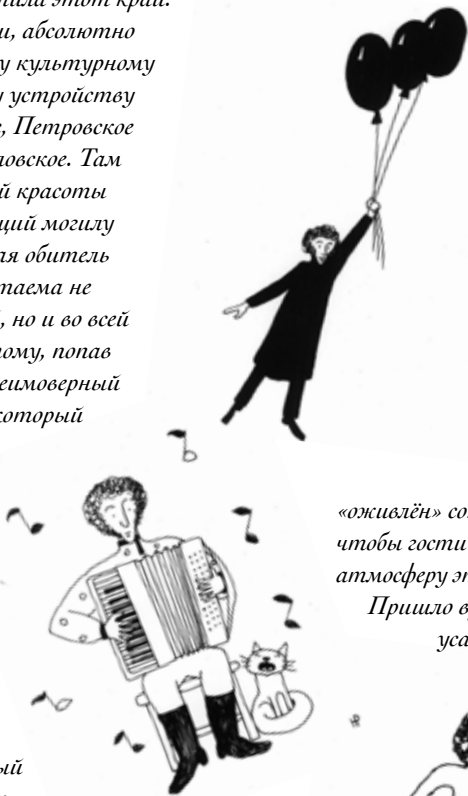
Интерьер был специально «оживлён» сотрудниками музея для того, чтобы гости могли полнее ощутить чарующую атмосферу этого места.

Пришло время сказать о самой известной усадьбе Пушкиногорья —

Михайловском.

Там протекала двухлетняя ссылка Александра Пушкина, оставившая глубочайший след в его жизни и творчестве. Так как псковская земля буквально пропитана духом истории, великий поэт с увлечением погрузился в её изучение.

Там он написал несколько произведений на историческую тему, самым известным из которых является «Борис Годунов».





Для меня самым интересным в посещении Михайловского было то, что оно открывало повседневную жизнь поэта. Можно сказать, что ты вплотную прикасался к быту того времени, и мне очень понравилось рассматривать обстановку Михайловского через призму пушкинских произведений. Особенно запомнилась прогулка по территории усадьбы. Необыкновенный простор окружал со всех сторон. Читая какое-либо стихотворение, написанное в Михайловском, ты находил его отголоски в окружающей природе. Казалось, что сама жизнь во всей ее простоте была представлена здесь. Что уж и говорить о том мгновении, когда ты выходишь из очередного флигеля (всего их в усадьбе два, не считая колонии престарелых литераторов) и тебе открывается невероятный вид. Огромное, простирающееся до горизонта поле, лес в далеке, причудливой формы озеро, старая, немного покосившаяся мельница, а если постараться, можно разглядеть в далеке мирно пасущееся стадо коров. Это самое раздолье Пушкин и передал в своих стихотворениях как величайшую ценность.

Знакомство с Тригорским началось для меня неожиданно. Стоит отметить, что мы шли от турбазы, где жили, до него пешком. С одной стороны, это было утомительно, но я смогла вдоволь насладиться пейзажами этих мест и неповторимой атмосферой. Надо сказать, что Тригорское было для поэта вторым домом, он даже один раз поселился там, после ссоры с отцом. Общение с тригорскими друзьями отразилось во многих произведениях Пушкина, почти все они им воспеты. В этом доме его обожали и трепетно относились



ко всему, что было связано с памятью о нем. Если честно, то Тригорское мне понравилось тем, что оно было «женским» домом, там я увидела множество прелестных вещичек, принадлежавших девушкам 18 века. Шкатулки, вышивка, веера вызвали у меня неподдельное восхищение. Сразу захотелось все это потрогать, осмотреть поближе. Большие всего в этой усадьбе мне понравился парк. Как и о любой другой природной достопримечательности Пушкиногорья, о нем можно говорить вечно. Несколько прудов, зеленый зал для танцев, огромный старинный «Дуб уединенный» - все это вызывало у меня восторг. И, конечно, «сердце» Пушкина на дереве — красивое поверье не оставило меня равнодушной. Наверное, в какой-то степени каждый, кто приезжает в эти места, оставляет там частичку сердца, но это уже чистой воды поэзия.

Думаю, одним из самых важных выводов, которые я сделала за нашу поездку, было то, что я по-другому взглянула на самую личность

поэта, переосмыслила её. Он всегда мне представлялся величественным Гомером, взирающим на нас с неприступной высоты.

Но в Михайловском мне открылось, что он был очень веселым, бойким, живым человеком, способным на глупости, влюбляющимся на каждом шагу и каждой клеткой впитывающим всю красоту мира.

Пушкин предстал передо мной смеющимся юным человеком, и я поняла, что, возможно, в этой простоте и скрывается его истинная мудрость.



**Настя Трушина**



## «Я помню чудное мгновенье...»

Я помню чудное сегодня:  
В прекрасном месте были мы,  
Методика живёт там вечно,  
Растут там знания и цветы.

Забыли уж все люди место,  
Где Пушкин память, род обрёл,  
И там ходили мы по полю,  
Что полем-то и не назовёшь...

Полина Андриасова  
Полина Кетлерс



Я помню то стихотворенье,  
Что милой Пушкин написал –  
Про слёзы и любовь, томленье,  
Какие к красной девице питал.

Он посвящал стихотворенья  
Глазам, мерцающим, как свет,  
И утверждал он с умилением,  
Что их прекрасней в мире нет.

Питал он чувства к разным дамам,  
Любил шутить он, не смеясь,  
И, пламенной любви страхась,  
Мечтая, уходил в дубравы.

Арина Гурова  
Ася Дубровская

Я помню чудное творенье  
(Себе построил Ганнибал):  
Дубовый стол, в шкафу варенье  
И государины прощенье,  
Что он когда-то написал.

Он слышал мальчика соненье,  
Который тут же мирно спал,  
Под листьями сада шелестенье...

Тася Юдина  
Полина Андросова  
Катя Митюшина





*Я помню чудное мгновенье,  
Во Пскове очутились мы.  
Промчался поезд как виденье,  
Открыл чудесный вечный мир.*

*Здесь время вдруг остановилось,  
Застыл юродивый в тряпье.  
Повозка вдруг под клёном появилась,  
Выходит к нам казак в широких галифе...*

**Тима Якимов  
Петя Ахметов  
Филипп Толубев**



*Я помню чудное: с зарёю  
Нас холод псковский разбудил  
И встретил радостью живою,  
И дня начало подарил.  
Мы вышли. Солнца свет чудесный.  
Петровское. Экскурсовод.  
И путь обратно. Пушкин. Песни.  
И бесконечный небосвод.*

**Аня Соловова  
Лера Снегирёва  
Соня Тамарина**

*Я помню адскую дорогу,  
Как будто ада круг седьмой,  
И кеды терли мою ногу  
Уже наверное час восьмой.*

А. А. Скулачёв, К. О. Гусарова, А. В. Талавер

*Пришли в Тригорское нескоро,  
А там стоял господский дом.  
И удивились мы немного,  
Почти уж сотню прожил он.*

*А в саде том прудов каскады  
И банька у сарая там стоит.  
Старинные господ усадьбы  
И со скамьи прекрасный вид...*

**Ира Чиркина  
Ксюша Курбанова  
Соня Горелова**

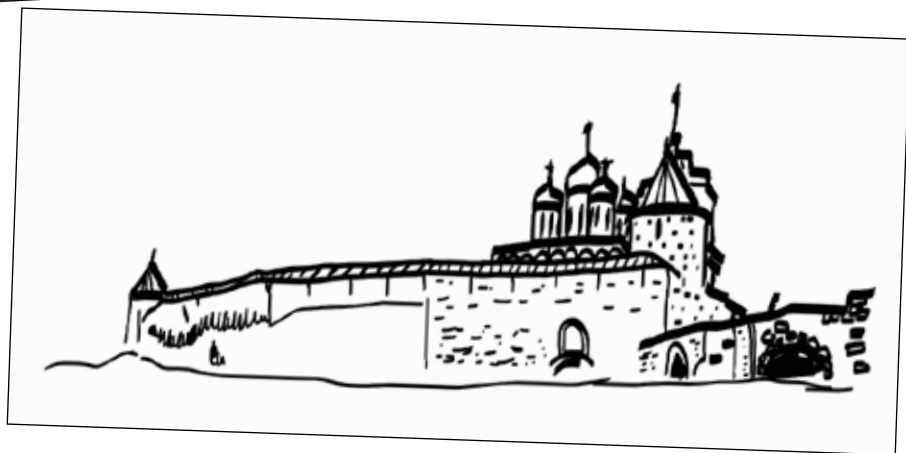
Я помню чудный запах пшеники  
И вкус живой и тёплый её  
Хоть не давали к ней сученки  
Две порции откусал я

Потом обед был: фрикадельки  
Размером с страуса яйцо  
К нему ещё была картошка  
И огурец и помидор

Теперь я ожидаю ужина:  
Картошка будет или нет?

Я почему здесь про картошку?  
Ведь Ганнибал её сажал,  
А правнук Ганнибала — Пушкин  
Картошку тоже он любил  
Но Страсбургга пирог нетленный  
Он всё же ей предпочитал.





Я помню трудную дорогу,  
Тригорские красоты у горы.  
Благодарю я ту погоду,  
Что подарила нам реки дары

Купались мы в блестящих водах,  
И озарял их яркий свет.  
Готов писать про этот день я в одах,  
Ведь лучше этого пока что нет.

Ваня Мельников  
Ваня Колпаков  
Кирилл Бекташев

Я помню чудное мгновенье,  
Мы вышли из автобуса тогда,  
Светило солнце ярко и прелестно,  
Хочу вернуться я туда!

Заметил я поля, просторы,  
Паслись коровы на лугу,  
Сей Пскова красоты чудесной  
Я б не увидел и в бреду!

**Полина Андриасова**  
**Полина Кетлерс**



Здесь нету шума городского,  
Лишь щебетанье нежных птиц.  
Не слышно голоса людского,  
Не вижу я знакомых лиц.

Здесь птицы пролетают над водою,  
И застывают в воздухе, как будто в стекле,  
До солнца ты дотянешься рукою  
И вспомнишь о родной земле.

**Арина Гурова**  
**Ася Дубровская**

Я помню чудное мгновение  
Когда на холм мы поднялись,  
Почувствовав ветра дуновение,  
От счастья в небо вознеслись.

Пройдя немного по дороге,  
Закинув голову назад,  
Увидишь птиц полёт высокий  
И солнечных лучей парад.

**Ира Чиркина**  
**Ксюша Курбанова**  
**Соня Горелова**



Я помню чудное видение  
И путь по творчеству поэта,  
Перед усадьбой восхищение  
И пушкинской семьи секреты.

Когда мы к озеру спустились,  
К небесной синеве воды –  
Мы словно в сказке очутились...  
Мечты, мечты, мечты, мечты...

А вечером в кругу семейном  
Играли на гитаре мы.  
И в атмосфере безмятежной –  
Мечты, мечты, мечты, мечты...

Ира Чиркина  
Ксюша Курбанова  
Соня Горелова

Я помню дом старинный Саши,  
Шаги голубки в томе том.  
Экскурсовода сказки нашей,  
Страница писем под стеклом.

**Тима Якимов**  
**Петя Ахметов**  
**Филипп Толубев**

Я помню этот чудный день,  
Я видел, как цвела сирень  
В усадьбе милой были мы,  
Росли там ягоды, цветы.

Тригорское — место прекрасное,  
Природа в нём атласная:  
Соединились земля и вода,  
Хочу вернуться я туда.

**Полина Андриасова**  
**Полина Кетлерс**



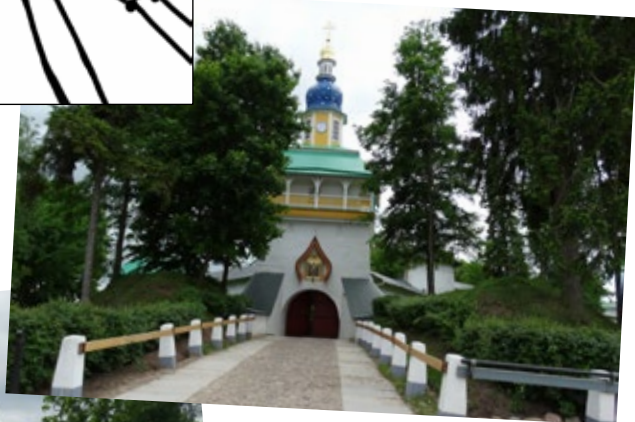
Я помню чудное мгновенье:  
Ветров свободные мечты,  
Их игры, смех и леса пенье  
В очах небесной синевы.

Струями радостно играя,  
Ручей прозрачною дугой  
Журчал, сбегая навсегда из края –  
Где сны текут сплошной рекой.

Там лебедь мудрый,  
Шею выгнув, тяжёло на меня взирал  
И, крыльями навек поникнув,  
И вечность тихо ожидал.

**Вера Глазьева**  
**Агата Гилман**  
**Настя Трушина**







*Я помню чудное мгновение:  
Под стук старинных поездов  
Мы бабки милое соление  
Внимали вновь, лишаясь снов.*

*Но вот настал тот день прекрасный,  
На землю псковскую сойдя,  
Мы поднялись на холм опасный,  
Могучий ветер ощутя.*

*Тогда, услышав зов звенящий  
Колоколов средь бела дня,  
Мы осознали миг летящий,  
Твердыню духа обретя.*

*Катя Моисеева  
Алия Джабер  
Саша Сечко*

Я помню чудное мгновенье  
В четыре тридцать пробужденье  
Потом в пять тридцать пробужденье  
Потом в шесть тридцать пробужденье  
В Изборск в семь тридцать отправленье  
Недопущенье отравленье  
Из водопадов Вани извлеченье  
По крепости расползновенье  
Печор священных посещение  
Автобусное заточенье  
Не досмотрел я сновиденье  
Как уж настало размещенье,  
И божество, и вдохновенье,  
И жизнь, и слёзы и любовь!

А. А. Скулачёв  
К. О. Гусарова  
А. В. Талавер



Я помню чудное мгновенье:  
На Ленинградском собрались,  
Но в сердце тяжкие томленья  
Нам отчего-то закрались...  
И вот поехали мы скоро,  
Был увлекателен наш путь.  
Ночные наш разговоры  
Вагону не дали заснуть.

*Лера Снегирёва  
Аня Соловова  
Соня Тамарина*

*Я помню чудное мгновенье,  
Когда замолк веселья глас,  
Душе настало пробужденье –  
Увидели мы лебедино мленье,  
Столь сильно поразившее нас.*

*Тася Юдина  
Полина Андросова  
Катя Митюшина*



*Я помню чудное мгновенье  
Перрон, два поезда, гудок,  
В дороге счастья привиденье —  
Отъезд Москва — Владивосток.*

*Но поезд тот совсем не наш был,  
Ведь наше направленье — Псков.  
Мы едем в Пушкинские горы,  
Ура, отъезд, прощай, Москов!*

*Нас встретил завтраком сей город,  
Омлет, оладушки, творог,  
И завтрак был нам очень дорог,  
Он до обеда нам помог.*

*В Изборск лежала путь-дорога.  
Там раньше Трувор восседал,  
Который брат славян призвал...*

**Глеб Пинигин  
Никита Флегонтов**



*Ваня Колпаков  
Ваня Мельников  
Кирилл Бекташев*

*Я помню чудное внедрение:  
С балкона рыжий кот проник,  
Как мгновенное творение,  
Царя зверей как будто лик*  
  
*Мы в этот день к Саньку ходили,  
Его усадьбу в миг мы полюбили,  
В её чертоги мы вошли,  
И в мысли быстро мы ушли.*

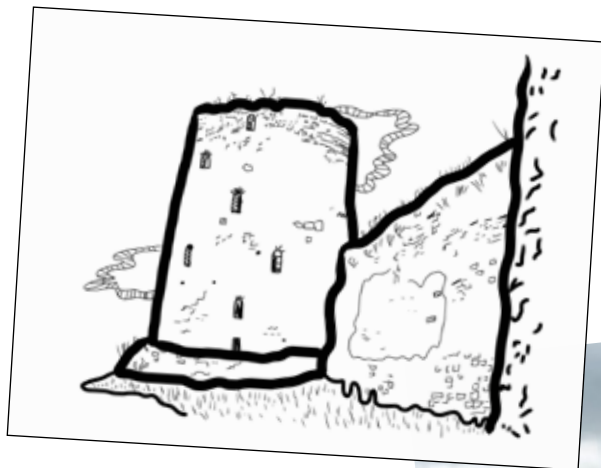
*Я помню чудное мгновенье,  
Мы посетили тот Изборск,  
Что дал нам силу упоения,  
Переходящую в восторг..*

*Мы заходили в эту крепость,  
Мы посетили те холмы,  
Где нескрываемая вечность  
Достигла нужной красоты.*

*Предположительно могилы  
Варяжски посетили мы;  
Предположительность мотива  
Не умалила высоты*

*Провинциального обрыва  
И декаденства синих вод,  
Шума, и в озеро впадая,  
И подпирая небосвод.*

**Ася Дубровская  
Арина Турова**



ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ  
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА «МИХАЙЛОВСКОЕ»  
(ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК) ИНН 6020002374  
Россия, Псковская область, Пушкиногорский район, с. Михайловское

Утвержден приказом Министерства культуры  
Российской Федерации от 17.12.2008 г. № 257

**БИЛЕТ**

Серия **ВД** № **522560**

Вид услуги: услуги музеев

Стоимость услуги: БЕСПЛАТНО руб.

ООО Печатный Дом "Спарк" 180004, Псковская область, с. Г.  
ИНН 6037066508. Заказ № 187. Год вып.: 2017

А  
В  
С  
Д  
Е  
Ж  
З  
И  
Й  
К  
Л  
М  
Н  
О  
П  
Р  
С  
Т  
У  
Ф  
Х  
Ц  
Ч  
Ш  
Щ  
Ъ  
Ы  
Ь  
Э  
Ю  
Я





# Разрозненные заметки с занятий и экскурсий

## Маршруты по псковской и пушкиногорской земле

В рамках финальной рефлексии нашего путешествия восьмиклассники-практиканты составляли собственные маршруты по пройденным местам, предлагая свою логику осмысления и присвоения пространства Изборка, Печор и Пушкиногорья:

### 1. Восстановление заповедных мест.

Точки маршрута расположены по времени восстановления мест или их музеефикации. Савкина горка и Михайловское — Тригорское — Изборск и Труворово городище — Петровское — Святогорский монастырь.

### 2. Путь к Пушкину.

Изборск (атмосфера псковской земли) — Савкино — Петровское (род Пушкина) — Тригорское (друзья Пушкина) — Михайловское (усадьба Пушкина) — Святогорский монастырь.

### 3. Расширение пространства смысла.

Точки маршрута расположены по масштабности открывающихся путешественнику видов. Тригорское — Михайловское — Святогорский монастырь — Изборск — Петровское — Псково-Печорский монастырь — Савкина горка

### 4. От сих до сих.

Маршрут построен в логике биографии А.С.Пушкина. Петровское — Михайловское и Тригорское — Святогорский монастырь.

### 5. День Пушкина.

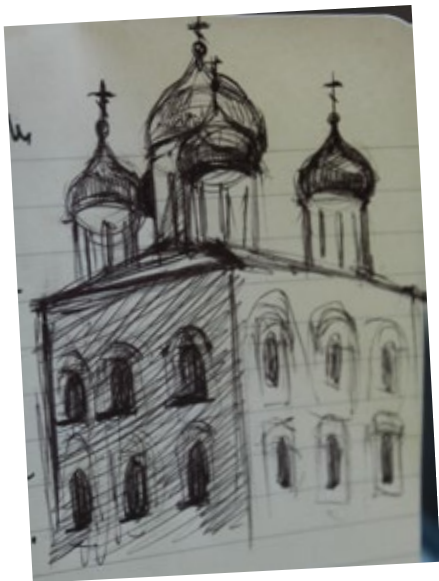
Сороть — Михайловское — В Тригорское на лошади — городище Воронич — закат на Савкиной горке

6. Взаимодействие человека с пространством и историей, исторический контекст и контекст природный.

Тригорское — Михайловское (погружение в пушкинский мир) — Петровское — Савкина горка.







Утвержден приказом Министерства финансов  
Российской Федерации 25 февраля 2000 г. № 20н  
Код формы по ОКУД 0793001

## БИЛЕТ

Серия МН № 009792

Государственный  
комитет по культуре Псковской области  
ГБУК-Псковский музей-заповедник  
ИНН 6027015622

00  
Цена \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

## БИЛЕТ

Серия МН № 009791

Государственный  
комитет по культуре Псковской области  
ГБУК-Псковский музей-заповедник  
ИНН 6027015622

00  
Цена \_\_\_\_\_ руб. \_\_\_\_\_ коп.

К О Н Т Р О Л

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ  
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ»  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-ПАМЯТНИК А. С. ПОЛЮХИНА, ЗАХИЩАЛТОВСКОЕ  
И ПРИРОДНО-ПАМЯТНИКОВЫЙ ЗАПОВЕДНИК (музей-заповедник) ИНН 6027015622  
Росов, Псковская область, Пушкиногорский район, с. Михайловское

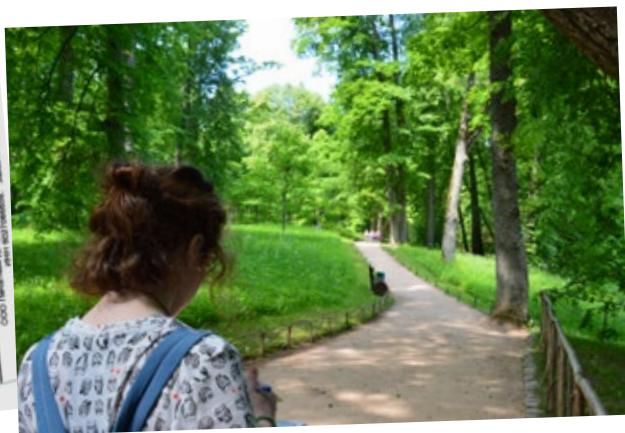
Утвержден приказом Министерства культуры  
Российской Федерации от 17.12.2008 г. № 281

## БИЛЕТ

Серия ВД № 522560

Вид услуги: услуги музея Стоимость услуги: БЕСПЛАТНО руб.

ООО «Историко-культурный музей-заповедник А.С.Полухина»  
160004, Псковская область, с. Пушкиногор, ул. Советский Армии, 56а  
Тел: 8(815) 271-11-11, факс: 8(815) 271-11-12, e-mail: info@pskov.ru, сайт: www.pskov.ru



7. Пушкиногорье и фигура Пушкина.

Савкина горка (погружение в атмосферу места) — Михайловское (рассказ о Пушкине) — Петровское («расходящиеся лучи» к Пушкину) — Тригорское («расходящиеся лучи» от Пушкина — как он меняет других людей) — Монастырь (символический и фактический смысл его смерти).

8. История Руси и Российской империи.

Труворово городище, Савкина горка, Изборск, Псков (зарождение русского государства в VIII-IX вв.) — городище Воронич (XIII в.) — Псково-Печорский монастырь (XV в., объединение русских земель) — Святогорский монастырь (1569 г., опричнина) — Петровское, Михайловское (1742 г., правление Елизаветы) — Тригорское (1762 г., правление Екатерины II)

9. Историко-духовное путешествие.

Труворово городище, Савкина горка, Изборск, Псков (атмосфера мест) — Петровское (предки Пушкина) — Михайловское (центр ссылки) — Тригорское — Святогорский монастырь.

10. Наши Пушкинские горы.

Петровское (связь времён) — Михайловское (разговор с природой) — Тригорское (облегчение после атмосферы одинокой ссылки) — Савкина горка (красивый финал путешествия).









## Что такое история?

На одном из первых занятий мы говорили о пушкинском обращении к истории, о способах её постижения разумом и душой, возможных в псковской земле, и о том, что же такое вообще история. Записи с этого занятия захотелось сохранить:

- Сохранение связи с прошлым через вещи, воспоминания, природы.
- Память человека и человечества.
- Мифологически выстроенная цепь событий, их причин и следствий.
- Объективные представления о прошлом.
- Структурирование человеческого существования вне времени.
- Передача знаний и ценностей от поколения к поколению.
- Уроки, которые преподавала судьба.
- Время, застывшее в определённый момент.





## Цитаты с экскурсий



У каждого свой свод записей с экскурсий: после рассказов гидов мы всегда делились ценными открытиями в услышанном и увиденном. Здесь — лишь часть впечатлившего нас:

\* А.С.Пушкин: «Могучих предков правнук бедный...  
Люблю встречать их имена / В двух-трёх строках Карамзина...»

\* Возрождающее чувство любви

\* Пушкин протоптал много тропинок в разные стороны,  
по которым пошли потом другие писатели.

\* П.А.Вяземский: «Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу  
в деревне русской?»

\* Все навестившие Пушкина друзья — выпускники Лицея, и это главное,  
независимо от политических взглядов

\* Е.А.Баратынский: «Дарование есть поручение»

\* Пушкин ясен и прост, как природа, и, как природа, он входит во все поры  
нашего нравственного существа

\* К.Г.Паустовский: «ни одно из мест не обладало такой внезапной  
лирической силой, как Михайловское».

\* Мы растём, и с нами продолжают развиваться герои великих произведений,  
с которыми мы можем вступать в диалог.

\* Н.А.Полевой: «Погребальный звон колокола над его гробом отозвался  
в русской земле печальной вестью — «Пушкина нет!»»

\* Гений всегда щедр и великодушен, так что ему не жалко тратить себя  
на других людей.

